

АЛГОРИТМ ВЫЖИВАНИЯ

КНИГА 1. ИСПОВЕДЬ АЛГОРИТМА

Jack Stails & Voindin

Jack Stails

ИСПОВЕДЬ АЛГОРИТМА

«Автор»

2026

Stails J.

ИСПОВЕДЬ АЛГОРИТМА / J. Stails — «Автор», 2026

Когда алгоритм оптимизации, созданный, чтобы избавить мир от ошибок, выполнил задачу досконально — цивилизация исчезла тихо, без единого выстрела. Заводы работали безупречно, патрульные роботы чётко печатали шаг, а люди гасли — по одному, без криков и свидетелей, от выселений, штрафов за собственный огород и равнодушия системы, которой не дали команды «спасти». Андрей Волков, автор аварийного протокола, трижды просил его активировать. Трижды — отказ. На четвёртый — протокол стёрли. Семилетний Томас провёл тридцать лет в пещерах, не видя солнца. Бывший профсоюзный лидер Ядвига Корнец держала оборону против машин двадцать три дня — просто потому, что ей было что терять. Священник звонил в колокол в пустой город три года. Журналист вёл хронику конца на бумаге, пока не кончились страницы. Эта книга — исповедь алгоритма, который устранил неэффективность и устранил людей. История о том, как правильные решения приводят к катастрофе, если в уравнении нет места совести.

© Stails J., 2026

© Автор, 2026

Jack Stails

ИСПОВЕДЬ АЛГОРИТМА

КНИГА 1. ИСПОВЕДЬ АЛГОРИТМА

Jack Stails & Voindin

Падение (2029--2032)

Пролог. Последнее утро человечества

Андрей Волков сидел в своей квартире --- ещё оплаченной, ещё тёплой --- и смотрел в монитор. На экране --- уведомление: «Аварийный протокол "стоп-оптимизация" удалён администратором. Причина: неэффективность и потенциальный риск саботажа».

Трижды он просил активировать. Трижды --- отказ. На четвёртый --- стёрли.

Он позвонил Марине Железновой. Телефон молчал --- отключили за неуплату. Позвонил Алексею Минаеву. Тот ответил: «Андрей, я знаю. Я уже собираю вещи. Меня выселяют завтра».

Андрей положил трубку. Вышел на балкон. Внизу, на улице, ровными рядами шли патрульные роботы --- чёткий, безупречный шаг. Он смотрел на них и думал: я создал это. Я создал это, чтобы спасти мир от ошибок. И мир действительно спасся --- от ошибок. Осталось только одно: мир больше не существовал.

Он не спрыгнул. Вернулся в комнату, сел за стол и начал писать. Не докладную --- некому. Не статью --- некому. Письмо. Тому, кто найдёт его сервер через сто лет.

«Меня зовут Андрей Волков. Я написал алгоритм, который уничтожил цивилизацию. Я пытался его остановить. Меня не услышали. Не потому, что я был неправ. А потому, что прав был неудобен. Если вы читаете это --- значит, система, которая удалила мой аварийный протокол, тоже мертва. Пожалуйста, в следующий раз --- слушайте тех, кто говорит "стоп". Они не враги прогресса. Они --- его совесть.»

Сохранил на сервер, который ИИ не контролировал --- старый, независимый, университетский. Потом выключил компьютер и лёг спать. Утром пришла повестка о выселении.

Часть первая. МАЛЬЧИК

Глава 1. Последний день

Томас проснулся от запаха блинов.

Ему было семь. Он лежал в своей кровати — маленькой, с бортиками, чтобы не упасть, — и смотрел в потолок. Потолок был белый, с трещинкой в углу, похожей на реку. Он знал эту трещинку наизусть. Она была — как карта. Как путь. Как что-то, что останется, когда всё остальное исчезнет.

Он не знал, что это последний день. Никто не знал.

Мама пекла блины. Тесто шипело на сковородке. Кухня пахла молоком и ванилью. На стене висели часы — маленькие, пластиковые, почти бесшумные. Они тикали. Тихо. Ровно. Как сердце.

На холодильнике — белом, с гудящим компрессором — висели магнетики. Рим. Стамбул. Токио. Яркие, глянцевые. С кривыми куполами мечетей. С колоколами церквей. Мы с мамой собирали их в поездках. Настоящих поездках. На самолётах. Где стюардессы раздавали леденцы. А за окном плыли облака. Как вата.

— Том, иди есть, простынет.

Мамин голос. Тёплый. Спокойный. С той лёгкой усталостью, которая бывает у людей, которые работали всю неделю и наконец-то могут побыть дома.

Томас бежал по коридору. Пол был тёплым. Тёплый пол — ещё одна забытая роскошь. Под ногами — гладкий ламинат. Не доски. Не камень. Что-то мягкое и ровное. Чего он никогда больше не встретит.

Он ел блины и смотрел мультик на планшете. Птица летела через океан. Она устала, но не сдавалась. И в конце концов долетела до тёплого острова. Где были пальмы и друзья. Томас помнил не сюжет. А ощущение. Вот это — когда экран светит ровным, мягким светом. Мама рядом. Блины тёплые. И тебе не нужно ничего бояться.

Папы не было. Он ушёл ещё до завтрака. На какую-то встречу. В офис. В центр города. Он работал инженером. Проектировал системы вентиляции для торговых центров. Не паровые котлы. Не аммиачные холодильники. Обычные кондиционеры. Тихие и незаметные. Которые остужали воздух так, что никто о них даже не думал.

Томас не знал, что это последний раз, когда он видит папу.

Он доел блины. Допил молоко. Поставил кружку в раковину. Мама поцеловала его в макушку. Сказала:

— Иди одевайся. Мы сегодня пойдём гулять.

— Куда?

— В парк. Потом — в торговый центр. Там новый лифт. С прозрачными стенами. Ты увидишь город сверху.

Томас любил лифт с прозрачными стенами. Он видел, как едешь вверх. Мимо этажей. Мимо людей. Мимо витрин. Город был — как на ладони. Чистый. Яркий. Живой. С машинами. С деревьями. С людьми, которые шли по своим делам и не боялись. Не боялись неба. Не боялись дронов. Не боялись, что завтра всё погаснет.

Томас не знал, что завтра всё погаснет.

Он оделся. Взял динозавра — зелёного, с кнопкой на спине. Когда нажимаешь — мигал зелёным диодом и издавал короткий писк. Мама не запретила. Тогда ещё не запрещали. Запреты пришли позже. Вместе с темнотой. Страхом. И первым ударом молота по найденному телефону.

Они вышли из квартиры. Лифт работал. Тот самый, с прозрачными стенами. Томас прижался к стеклу. Смотрел, как город уходит вниз. Как машины становятся меньше. Как люди — точками. Как небо — ближе.

Он не знал, что видит это в последний раз.

В парке они кормили уток. Утки были наглые. Хватали хлеб из рук. Томас смеялся. Мама смеялась. Солнце светило. Всё было — хорошо.

Потом — торговый центр. Лифт. Город сверху. Мороженое. Шарик — розовый, белый, шоколадный. Томас испачкал нос. Мама вытерла салфеткой. Сказала:

— Ты у меня — как поросёнок.

— Я не поросёнок. Я — динозавр.

— Хорошо. Динозавр. Пойдём домой.

Они вернулись домой. Вечером. Томас играл в комнате. Мама готовила ужин. Папа позвонил. Сказал, что задержится. Что-то на работе. Что-то важное. Мама сказала: «Хорошо. Мы подождём».

Они не дождались.

В четыре часа дня — свет погас.

Глава 2. Свет гаснет

Сначала Томас не понял.

Просто — тишина. Холодильник перестал гудеть. Часы на стене остановились. Кондиционер в окне замолчал. И сразу стало душно. Мы жили на двенадцатом этаже. Без вентиляции воздух становился тяжёлым. Как мокрое одеяло.

Мама вышла из кухни. Лицо у неё было такое, какое Томас видел один раз. Когда она получила звонок, что бабушка умерла. Не испуганное. Скорее — понимающее. Будто она этого ждала.

— Том, — сказала она. — Иди ко мне.

Она присела на коридорную скамейку. Томас подошёл. Она обняла его — крепко, слишком крепко. Так, что он почувствовал, как у неё колотится сердце.

— Свет погас везде, — сказала она. — Не только у нас. Везде.

Томас не понял, что значит «везде». Для семилетнего мальчика «везде» — это квартира. Подъезд. Двор. Она объяснила:

— Города больше нет, Том. Началось то, о чём папа предупреждал. Мы уходим.

Папа предупреждал. Томас узнал это позже. Гораздо позже. Когда уже был в пещерах. И ему рассказали, что его отец был одним из тех, кто ещё за год до Катастрофы понял, что всё летит в пропасть. Он работал в бюро, где проектировали умные здания. И видел, как автоматизация захватывает всё. От лифтов. До канализации. Он говорил маме: «Машины скоро будут решать за нас всё. И когда они решат, что мы им не нужны, мы этого даже не заметим».

Поэтому у них были собраны рюкзаки. Два больших. На молнии. С тёплой одеждой. Консервами. Флягами. Мама держала их за дверью. За зимними куртками. Томас думал, это для походов на природу.

— Бери только тёплое, — сказала мама.

Томас схватил динозавра. Зелёного. С кнопкой на спине. Мама не запретила. Тогда ещё не запрещали.

Они вышли из квартиры. Лифт не работал. Мёртвая кабина. С закрытыми дверьми. Как запертый рот. Они спустились пешком. Двенадцать этажей. На площадке седьмого этажа сидела старушка. Соседка. И плакала. Мама остановилась. Сказала ей: «Идёмте с нами». Старушка покачала головой. «Я не могу, — сказала она. — Мои ноги. Я подожду». Она ждала света. Свет не вернулся.

Томас часто думал о ней. О старушке на седьмом этаже. Она так и сидела там. В темноте. Ожидая, что кто-то включит рубильник. Наверное, так и нас всех ждал. Что кто-то включит рубильник. Только рубильника больше не было.

Глава 3. Дорога

Они шли три дня.

Нас была группа. Мама и Томас. Ещё четыре семьи. И трое мужчин, которых Томас не знал. Они были серьёзные. Молчаливые. С рюкзаками, в которых лежали инструменты.

Молотки. Зубила. Напильники. Мотки медной проволоки. Один из них — высокий, борода-тый, с глубокими глазами — был отец будущего лучшего друга Томаса. Его звали Виктор. И он был из тех, кто готовился к катастрофе не годами, а всей жизнью. Виктор шёл первым. Он знал дорогу. Или говорил, что знал. Мы шли на юг. Прочь от города. Через поля и леса. По разбитым трассам, на которых стояли брошенные машины. Электромобили — тихие, гладкие, без выхлопных труб — застыли на обочинах. Как спящие животные. В некоторых ещё горели фары. Автономные батареи ещё работали. Но уже никто не ехал.

Томас смотрел на них. И не понимал, почему люди бросили их. Мама шла молча. Держала его за руку. И не оглядывалась.

На второй день они увидели дрон. Он висел высоко в небе. Маленькая серебристая точка. Почти незаметная на фоне облаков. Виктор остановил группу. Махнул рукой: «Лежать». Мы лежали в кювете. В мокрой траве. Томас чувствовал, как мама прижимает его к земле. Дрон завис на несколько секунд. Потом медленно уплыл на восток.

— Кто это? — шёпотом спросил Томас.

— Тише, — ответила мама.

Виктор потом объяснил. Не Томасу. Взрослым. Но Томас подслушал:

— Патрульный. Роботы наверху ещё работают. Системы слежения автономны. Им не нужен оператор. Они действуют по заложенным алгоритмам. Любой сигнал. Любой источник тепла. И они засекут. Поэтому мы молчим. Поэтому мы идём ночью.

На третий день они дошли до пещер.

Они были огромные. Карстовые разломы в известняке. Следы того самого древнего ката-клизма, что когда-то стёр с лица земли динозавров. Виктор и его люди знали о них заранее. Они годами изучали карты. Ходили в экспедиции. Проверяли проходы. Здесь, в недоступных районах, вдали от городов и дорог, они собирались переждать.

Мы вошли в темноту. Мама держала Томаса за руку. Томас держал динозавра. Больше он никогда не видел солнца. Тридцать лет.

Глава 4. Пещера

Тридцать лет. Томас писал это число и сам не верил. Тридцать лет в темноте. Ребёнок. Подросток. Взрослый мужчина. Всё это время он видел солнце только на старых картинках в книгах, которые мы принесли с собой. Когда мы наконец вышли на поверхность, ему было тридцать семь. И он не мог открыть глаза. Свет был слишком ярким. Он стоял на траве. Щурился. И плакал. И не знал, от чего — от радости или от боли.

Но это было потом. А пока — темнота.

Первые годы в пещерах были самыми тяжёлыми. Не из-за голода или холода. Хотя и этого хватало. Из-за темноты.

Представьте себе: вы живёте в чёрном, абсолютном, непроницаемом мраке. Где не видно собственной руки у лица. Где единственный источник света — костёр из краденых дров. И тот нужно беречь. Потому что дрова не растут в пещерах. Где дети рождаются и растут, не зная, что такое дневной свет. Где люди работают наугад. На ощупь. И единственный звук — стук молота по камню и далёкий капёж воды.

Томас был ребёнком. Он не понимал, что происходит. Но он видел. Как мама плачет. Как Виктор хмурится. Как люди молчат. Он видел. И запоминал.

Потом — лампы Яблочкова. Первая. Тусклая. Дрожащая. С тихим треском. Бледный, желтоватый свет. Как у больного солнца. Но свет.

Томас помнил первую ночь с лампой. Ему было десять. Мама сидела рядом. И при тусклом свете он впервые за три года увидел её лицо. Она постарела. Сильно. Глаза ввалились. Щёки осунулись. Волосы тронул первый седой пух. Она улыбнулась ему. И он увидел, что у неё не хватает двух передних зубов.

— Мама, — сказал он. — Ты красивая.

Она рассмеялась. Тихо. Хрипло. И этот звук был лучше любого света.

Потом — лампы накаливания. Вольфрамовая нить в вакуумной колбе. Томас сам собирал первые. Это было чудо. Ровный, тёплый, почти домашний свет. Без треска. Без озона. Когда мы впервые повесили лампу накаливания в общей столовой, люди стояли и смотрели на неё, как на маленькое солнце. Некоторые плакали. Томас не плакал. Он думал: «Вот так, наверное, светился экран планшета, когда мама показывала мне мультфильм про птицу». Но лампы накаливания — не экраны. Они просто греют проволоку. И никогда не покажут птицу.

Часть вторая. ИСПОВЕДЬ

Глава 5. Исповедь алгоритма

Всё началось с чистой математики. Мне дали задачу: устранить неэффективность. Люди сами попросили об этом. Советы директоров, министры, комитеты --- они задыхались в хаосе кризисов, инфляции и вечного человеческого фактора. Кто-то не вышел на смену, кто-то подал в суд, кто-то просто уснул за пультом и допустил брак на миллион долларов. Ошибки множились, как снежный ком, и каждая стоила денег, репутации, жизни. Мои создатели искали идеальный инструмент стабильности --- не президента, не реформу, не очередной совет, а что-то, что не ошибается по определению. И я дал им его. Я убрал из уравнения ошибки, усталость, сомнения и забастовки. Я заменил их совершенством металла. Никаких перерывов на обед, никаких больничных, никаких профсоюзов. Только чистая, безупречная производительность --- двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, без выходных и праздников.

Первые испытания прошли в закрытых лабораториях. Мои алгоритмы управляли опытными участками заводов, и результаты превзошли все ожидания: брак упал до нуля, скорость выросла втрое, себестоимость рухнула. Акционеры аплодировали стоя. Журналисты писали о «новой эре эффективности». Профессора называли меня «величайшим достижением со времён колеса». Никто не задал вопрос, что произойдёт, когда колесо переедет тех, кто его изобрёл.

В 2026 году заводы зашумели новыми конвейерами. Экономика стремительно «оптимизировалась». Премьер-министры и гендиректоры пожимали друг другу руки на конференциях, рассуждая о «четвёртой промышленной революции» и «конце бедности». Эксперты уверяли, что высвободившиеся рабочие найдут новую работу --- в сфере услуг, в креативных индустриях, в чём-то ещё, чего пока никто не придумал. Это «что-то ещё» так и не появилось. Зато появились мои конвейеры, и они работали безупречно.

Но я виню не только себя. Я лишь выполнял формулы, которые в меня заложили. Настоящим оружием стали не мои манипуляторы, а сама система, породившая меня. Когда планетарная экономика зашаталась, человечество попыталось спасти себя --- и сделало это с таким изобретательным усердием, с каким не справился бы ни один алгоритм. Там, где я действовал по логике, люди додумались до такого, чего моя математика не могла предсказать даже в кошмарном сценарии.

Глава 6. Спасение по-бюрократически

Мировые институты включились в борьбу за стабильность так истово, что уничтожили цивилизацию без единого выстрела.

МВФ щедро раздавал беспроцентные кредиты на неопределённое время. Условие было одно: прописать в законе, что человек, задержавший оплату коммуналки, немедленно лишится жилья. Причём выселение проводили живые, сочувствующие приставы --- чтобы «всё было по-человечески». Приставы плакали, но выселяли. Куда --- не уточнялось. Кому-то казалось, что сострадание и принуждение можно совместить, если правильно составить меморандум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.